

О ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОСТАВА УЧАСТНИКОВ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ, СВЯЗАННЫХ С УСТАНОВЛЕНИЕМ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ

Скобелев В. П.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса и трудового права,
Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, s_v_p@tut.by*

Исследуются проблемы определения состава участников гражданских дел об установлении и об оспаривании отцовства. Обращено внимание на противоречия, существующие в этом вопросе между брачно-семейным и процессуальным законодательством. Обосновано, что по указанным категориям дел ребенок должен занимать положение стороны процесса.

Ключевые слова: установление отцовства; оспаривание отцовства; состав участников процесса; истец; ответчик.

ON THE PROBLEMS OF DETERMINING THE COMPOSITION OF THE PARTICIPANTS IN LITIGATION RELATED TO THE ESTABLISHMENT OF THE ORIGIN OF CHILDREN

Skobelev V.

*candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Procedure and Labor Law,
Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus, s_v_p@tut.by*

The article examines the problems of determining the composition of the participants in civil cases on establishing and challenging paternity. Attention is drawn to the contradictions that exist in this issue between marriage and family and procedural legislation. It has been substantiated that in these categories of cases, the child must take the position of a party to the process.

Keywords: establishing paternity; challenging paternity; the composition of the participants in the process; plaintiff; the defendant.

Проблема определения состава участников рассматриваемых судами дел, связанных с установлением происхождения детей (прежде всего дел об установлении и об оспаривании отцовства), имеет большое практическое значение, поскольку ее решение напрямую оказывает влияние на правильность разрешения судами указанных споров, а значит, и на эффективность защиты прав и охраняемых законом

интересов несовершеннолетних. В первую очередь хотелось обратить внимание на круг субъектов, имеющих право выступать инициаторами возбуждения судами дел. Нормы ч. 3 ст. 57, ч. 1 ст. 58 КоБС закрепляют исчерпывающие перечни лиц, которые вправе обращаться в суд с исками соответственно об установлении и об оспаривании отцовства, что способно породить на практике определенные сложности (на некоторые из них мы уже обращали внимание применительно к норме ч. 1 ст. 81 КоБС, где исчерпывающим образом определен круг субъектов, уполномоченных на предъявление исков по другой категории семейных споров – о лишении родительских прав [1, с. 175–176]; в этом плане весьма показательным является то, что в свое время кодексы о браке и семье БССР и некоторых других союзных республик не определяли круга лиц, имеющих право обратиться в суд с иском об установлении отцовства [2, с. 71–72]).

Дело в том, что указанные перечни включают в себя не только непосредственно (лично) заинтересованных в исходе дела субъектов (т.е. лиц, на чьи материальные права и обязанности способно оказать влияние судебное решение), но и субъектов, обладающих иной – не личной, сугубо процессуальной – заинтересованностью. Причем в части определения круга последнего рода субъектов имеют место несогласованности с процессуальным законодательством. Так, ни ч. 3 ст. 57, ни ч. 1 ст. 58 КоБС не упоминают о договорных представителях, хотя с точки зрения положений главы 9 «Представители» ГПК нет никаких препятствий для того, чтобы иск об установлении (или об оспаривании) отцовства был предъявлен, например, адвокатом, к которому за юридической помощью обратился законный представитель ребенка. Аналогичным образом к адвокату может обратиться мужчина, желающий установления или опровержения своего отцовства по отношению к ребенку, и даже сам ребенок, достигший совершеннолетия.

Не указаны в ч. 3 ст. 57, ч. 1 ст. 58 КоБС также прокурор и органы опеки попечительства. Между тем ч. 1 ст. 81 ГПК наделяет прокурора правом обратиться в суд с заявлением о возбуждении любого подведомственного суду гражданского дела, если это необходимо, в частности, для защиты прав и охраняемых законом интересов граждан, приказ же Генерального прокурора Республики Беларусь от 27 марта 2009 г. №27 «Об организации надзора за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам» в подп. 1.2 п. 1 даже предписывает прокурорам подавать и поддерживать в суде заявления в защиту прав и охраняемых законом интересов граждан, которые не могут самостоятельно осуществлять судебную защиту своих прав

(несовершеннолетние дети вполне подпадают под такую категорию лиц, подтверждением чему может служить повстречавшееся нам в обзоре судебной практики дело, когда прокурор предъявил иск об установлении материнства в отношении брошенного ребенка [3, с. 59]; тот факт, что прокурором был предъявлен иск об установлении именно материнства, а не отцовства, значения не имеет, т.к. норма ч. 2 ст. 56 КоБС, определяющая перечень лиц, которые имеют право требовать в судебном порядке установления материнства, полностью идентична положениям ч. 3 ст. 57 КоБС). Возможность предъявления прокурорами подобных исков признается и в литературе [2, с. 72; 4, с. 153–154; 5, с. 62]). Закреплено в ГПК (ст. 85) и право государственных органов предъявлять любые иски о защите интересов несовершеннолетних. В науке же активно отстаивается точка зрения о допустимости предъявления исков об установлении отцовства органами опеки и попечительства [4, с. 153]. Поэтому в постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 1991 г. № 12 «О практике применения судами Республики Беларусь законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей» (далее – постановление Пленума № 12), имело бы смысл включить разъяснения относительно допустимости предъявления исков об установлении (оспаривании) отцовства прокурором, органами опеки и попечительства, договорными представителями.

В ч. 3 ст. 57, ч. 1 ст. 58 КоБС среди субъектов предъявления иска назван ребенок, достигший совершеннолетия. О возможности подачи ребенком в суд иска об установлении отцовства только по достижении совершеннолетия со ссылкой на ст. 57 КоБС говорится также в ч. 1 п. 2 постановления Пленума № 12. Однако в законодательстве на этот счет присутствуют и другие правила. Так, ч. 2 ст. 189 КоБС позволяет ребенку обращаться в суд за защитой своих прав и законных интересов с четырнадцати лет. Аналогичная норма содержится и в ч. 3 ст. 13 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-ХП «О правах ребенка». Наконец, в ч. 3 ст. 59 ГПК относительно недавно (в результате принятия Закона Республики Беларусь от 4 января 2012 г. № 337-3) получила закрепление норма общего плана о том, что «несовершеннолетние, достигшие четырнадцати лет, имеют право лично обратиться в суд с заявлением о защите своих прав и охраняемых законом интересов и пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде без согласия родителей, усыновителей, попечителей». В этой связи в постановлении Пленума № 12 хотелось бы видеть четкий ответ, каким из приведенных выше норм в настоящее время следует отдавать приоритет и, самое главное,

ввиду каких аргументов (думается, что в решении этого вопроса помимо чисто юридических моментов не последнюю роль должен играть также фактор очень раннего интеллектуально-психологического созревания современных детей).

Прочитав в ч. 1 п. 2 постановления Пленума № 12 положения ст. 57 КоБС, высшая судебная инстанция констатировала: «Поэтому судья обязан принимать иски о установлении отцовства не только от матери, но и от отца или самого совершеннолетнего ребенка, если мать отказывается подать в органы, регистрирующие акты гражданского состояния, совместное с отцом заявление о регистрации ребенка». Во-первых, в описанной ситуации совместное заявление матери и отца в органы, регистрирующие акты гражданского состояния (далее – органы загс), следует называть не «о регистрации ребенка», а, как видно из ч. 2 ст. 54 КоБС, «о регистрации установления отцовства». Во-вторых, причиной обращения в суд совершеннолетнего ребенка с заявлением об установлении отцовства может быть отказ не матери, а именно предполагаемого отца подать в орган загс совместное с матерью заявление о регистрации установления отцовства. В-третьих, анализируемое разъяснение изложено таким образом, будто наличие отказа матери подать в органы загс совместное с предполагаемым отцом заявление о регистрации установления отцовства является условием принятия судом к производству искового заявления об установлении отцовства. В действительности, однако, причины, по которым в органе загс отцовство не было зарегистрировано в добровольном порядке, не имеют никакого значения не только для принятия искового заявления, но и для разрешения его по существу. В свете изложенного полагаем, что из второго предложения ч. 1 п. 2 постановления Пленума № 12 слова «если мать отказывается подать в органы, регистрирующие акты гражданского состояния, совместное с отцом заявление о регистрации ребенка» должны быть исключены.

В правоприменительной практике является общепринятым подход, согласно которому в делах об установлении и об оспаривании отцовства родитель (обычно мать), выступающий в интересах ребенка, считается стороной процесса – истцом или ответчиком (в зависимости от того, кем и какие были заявлены требования). Так, на протяжении всего текста обзора практики мать ребенка, предъявившая иск об установлении отцовства, называется в процессе истцом, а в делах об оспаривании отцовства лицом, записанным таковым в актовой записи о рождении ребенка, мать ребенка фигурирует только как ответчик [3]. Собственно, даже в самом постановлении Пленума № 12 (см. п. 3, 5, 7, ч. 1 п. 10, п. 15) по искам об установлении отцовства мать ребенка или

прямо обозначается в качестве истца, или такой вывод однозначно следует из контекста положений постановления. Например, мать ребенка напрямую указана истцом в п. 3 постановления Пленума № 12: «При предъявлении иска об установлении отцовства *несовершеннолетней матерью* (выделено нами – В.С.), не состоящей в браке, или к несовершеннолетнему лицу суд должен обсудить вопрос о привлечении к участию в деле родителей (усыновителей, попечителя) *истца* (выделено нами – В.С.) или ответчика в качестве их законных представителей». Второй (смысловой, через контекст) вариант обозначения матери ребенка истцом присутствует в п. 5 постановления Пленума № 12: «С иском об установлении отцовства и взыскании алиментов истец вправе обратиться в суд по месту жительства ответчика либо по месту своего жительства» (ведь очевидно, что с иском обращается в суд не сам ребенок, а его родитель).

Что же касается процессуального положения в деле самого ребенка, то в обзоре практики применительно к делам об установлении отцовства об этом ничего не сказано, а в отношении дел об оспаривании отцовства присутствуют такие рассуждения: «Обобщение показало, что нередки случаи, когда оспаривалось отцовство в отношении детей, достигших четырнадцатилетнего возраста. Хотя права и охраняемые законом интересы несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет защищаются в суде их родителями, усыновителями или попечителями, суд в соответствии с ч. 2 ст. 59 ГПК обязан привлекать к участию в таких делах самих несовершеннолетних, за исключением случаев, когда привлечение несовершеннолетнего к участию в деле противоречит его интересам. Однако некоторые суды при наличии указанных обстоятельств вопрос о привлечении несовершеннолетних лиц к участию в деле не обсуждали. Также выявлен случай, когда не был привлечен к участию в деле об оспаривании записи об отце ребенок, достигший к моменту рассмотрения дела возраста восемнадцати лет ... При рассмотрении дел об оспаривании отцовства несовершеннолетние привлекались судом к участию в деле в качестве третьего лица на стороне ответчика либо в качестве ответчика. Такая практика судов является правильной и согласуется с положениями ч. 2 ст. 59 ГПК, предусматривающей привлечение к участию в деле несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, поскольку право ребенка иметь и знать своих родителей, общаться с ними, получать от них содержание, наследовать имущество предполагает его процессуальный интерес при разрешении данной категории дел» [3, с. 61].

Сложно согласиться с тем, что диапазон возможных

процессуальных ролей ребенка является настолько широким (а по сути – полностью неопределенным), что позволяет ему выступать и третьим лицом без самостоятельных требований, и стороной процесса. Вряд ли можно признать верными и утверждения о том, что единственной причиной вовлечения ребенка в дело служит «право ребенка иметь и знать своих родителей, общаться с ними, получать от них содержание, наследовать имущество», а сам ребенок имеет лишь «процессуальный интерес при разрешении данной категории дел». По анализируемым категориям дел ребенок независимо от своего возраста (в том числе и до достижения четырнадцати лет, даже в младенческом возрасте) всегда обладает материально-правовой (личной, непосредственной) заинтересованностью и должен участвовать в деле (по крайней мере, в юридическом смысле, без фактического присутствия в судебном заседании, если не достиг четырнадцатилетнего возраста) только в одном-единственном правовом статусе – в качестве стороны (истца или ответчика) процесса.

Ведь сторона процесса – это лицо, чьи предполагаемые права (обязанности) выступают предметом судебного спора. В делах об установлении, равно как и об оспаривании отцовства, предметом судебного разбирательства является правоотношение отцовства: суд рассматривает вопрос о допустимости прекращения уже существующего правоотношения отцовства (по иску об оспаривании отцовства) или (и) возможности возникновения нового правоотношения отцовства (по иску об установлении отцовства). Правоотношение отцовства – это правовая связь, которая существует между отцом и ребенком, а не между отцом и матерью ребенка. Поэтому будь то иск об установлении отцовства или иск об оспаривании отцовства, суд принимает решение всегда только о правах (обязанностях) самого ребенка, а не выступающего в его интересах родителя. Следовательно, сторона процесса – это ребенок, а защищающий его интересы родитель – законный представитель. Так, и в литературе совершенно справедливо отмечается, что истцом по иску об установлении отцовства выступает сам ребенок [2, с. 73; 4, с. 147–148, 149, 150; 6, с. 75] (правда, Г. В. Яковлева наравне с ребенком истцом считает также и его мать, что, на наш взгляд, неверно). Подтверждением данной точки зрения может служить еще тот факт, что по другой категории семейных дел, где тоже затрагиваются родительское правоотношение – о лишении родительских прав – высшей судебной инстанцией истцом по делу прямо назван ребенок (см. ч. 3 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 сентября 2002 г. № 7 «О судебной практике по делам о лишении родительских прав»).

Правильное решение вопроса о сторонах процесса по анализируемым категориям споров имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Во-первых, если стороной процесса считать ребенка, а не действующего в его интересах родителя, то смерть последнего не приведет к прекращению производства по п. 5 ч. 1 ст. 164 ГПК («после смерти гражданина, а также в связи с ликвидацией юридического лица, являвшихся одной из сторон по делу, спорное правоотношение не допускает правопреемства»), т.к. процесс по делу утратит не сторону, а лишь ее законного представителя. Во-вторых, если родитель ребенка выполняет функции законного представителя, то должны соблюдаться все требования ГПК относительно представителей. В частности, по смыслу ч. 1 ст. 72, п. 1 ст. 73 ГПК несовершеннолетний родитель может быть законным представителем своего ребенка в суде только при условии приобретения полной материальной дееспособности (т.е. если несовершеннолетний родитель вступил в брак или был эмансипирован). Поэтому не можем признать верным сформулированное в качестве общего правила в ч. 2 п. 2 постановления Пленума № 12 разъяснение о том, что «несовершеннолетняя мать вправе самостоятельно предъявить иск об установлении отцовства», а также содержащееся в п.3 постановления Пленума № 12 прямое указание на возможность предъявления иска об установлении отцовства несовершеннолетней матерью, не состоящей в браке, и необходимость в этом случае суду обсудить вопрос о привлечении к участию в деле ее законных представителей. В-третьих, согласно ч. 1 ст. 74 ГПК законные представители совершают от имени представляемых все процессуальные действия, право совершения которых принадлежит представляемым, но с ограничениями, установленными законом. Одно из таких ограничений предусмотрено ч. 2 ст. 89 КоБС: родителям запрещено совершать без согласия органов опеки и попечительства сделки, противоречащие интересам ребенка. Полагаем, что есть все основания применять эту норму по аналогии к случаям отказа законного представителя от иска об установлении отцовства, потому что такой отказ может повлечь для ребенка очень серьезные последствия. Не исключаем, что по тем же причинам имеет смысл применять ч. 2 ст. 89 КоБС также при отказе законного представителя от иска об оспаривании отцовства.

Библиографические ссылки

1. *Скобелев В. П.* О некоторых основаниях для отказа в возбуждении гражданского дела процессуальным истцам // Вклад молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь : сб. материалов V Междунар. науч. конф.,

Минск, 23 мая 2014 г. / НЦЗПИ; редкол. : В. И. Семенов (гл. ред.) [и др.]. Минск : Институт радиологии, 2014. С. 174–177.

2. Яковлева Г. В. Охрана прав незамужней матери. Минск : Изд-во БГУ, 1979.

3. Практика рассмотрения судами дел об установлении отцовства (материнства), об оспаривании записи о родителях (по материалам обзора) // Судовы веснік. 2016. № 3. С. 54–65.

4. Судебная защита семейных прав : учеб. пособие / Н. М. Кострова [и др.]; науч. ред. Н. М. Кострова. М. : Изд. Дом «Городец», 2008.

5. Попова Ю. А. Признание граждан безвестно отсутствующими / отв. ред. М. А. Шапкин. М. : Юрид. лит., 1985.

6. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть : учеб. пособие. – М. : Юристъ, 2004.

УДК 339

СВОБОДА ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОЗДАНИИ СЕМЬИ: ФИЛОСОФСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Сладкова А. А.

кандидат философских наук,

доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной

деятельности, юридический факультет,

Тверской государственной университет,

ул. Желябова, 33, 17100 Тверь, Россия, sladkova.alen@yandex.ru

Статья посвящена вопросам современной трансформации брачно-семейных отношений. Смена общественно-экономической формации, изменение роли женщины в процессах производства оказали определенное влияние и на ее положение в брачно-семейных отношениях. Свобода выбора и самоидентификация личности позволили взглянуть на институт брака и семьи под новым углом, отличным от традиционных представлений о патриархальной семье.

По результатам анализа судебной практики сделаны выводы о том, что совместное проживание и ведение общего хозяйства лицами, не состоящими в зарегистрированном браке, не имеет юридического значения и не является достаточным основанием для возникновения права общей собственности.

Ключевые слова: брачно-семейные отношения; имущественные права супругов; фактический брак; фактически брачные отношения; трансформация семейных отношений; совместно нажитое имущество.

FREEDOM OF GENDER RELATIONS IN CREATING A FAMILY: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS

Sladkova A.

PhD, associate professor of subdepartment of environmental law and legal support of

professional activity of the Law Department,

Tver State University,